

11. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа. // Социологический журнал. 2013. №4. С. 35-48.
12. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 46-65.
13. Рязанова С.В. Светские формы современной религиозности: эволюция социального мифа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 64-79.
14. Сорокин П.А. Система социологии: В 2-х т. Т. 2. Пг.: Колос, 1921.
15. Tajfel, H., Turner, J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.
16. Taylor Ch. Secular age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.

ДОБРОСОСЕДСТВО КАК НИЗОВАЯ ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Л.В. Колпина,

*доцент кафедры социальных технологий Института управления
НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент*

В последнее время, когда флуктуации системы мирового порядка обнаруживают непрочность административной надстройки, все больше приходит понимание того, что в обеспечении устойчивости местных сообществ важную роль должны играть низовые структуры гражданского общества, к которым относится и территориальное общественное самоуправление (ТОС).

Роль добрососедства на уровне функционирования ТОС, как низовой формы самоорганизации, определяющая. Во-первых, соседские сети отношений (социальные сети) – это чаще всего локальные сообщества, характеризующиеся общностью территории, а потому имеющие объективные основания для развития самоорганизации и самоуправления в ее рамках. Соседские социальные сети могут стать реальной базой самоорганизации, как минимум, в силу необходимости у людей, проживающих на локальной территории, решения насущных проблем ее благоустройства, адаптации для нужд населения, согласования правил «общезития» в ее рамках и т.п. Это особенно значимо для России, где проблема низовой самоорганизации затруднена слабой структурированностью социального пространства, его аморфностью.

Кроме того, потенциал добрососедства в развитии процессов самоорганизации обусловлен, по нашему мнению, еще и тем, что современная российская действительность отличается подавляющим превалированием социального капитала закрытого типа. Основанный на кровнородственных и дружеских связях и отношениях, испытывающий острый дефицит открытого социального капитала(3), базирующегося на социальном доверии, мезо – и макросоциальной интеграции, он способствует развитию клановости,

обуславливает низкую проницаемость межгрупповых перегородок, социальную сегментацию, что выступает барьером для самоорганизации населения.

В такой ситуации развитие соседских социальных сетей невольно содействует размыканию узких кругов общения, росту социального доверия, формированию практик солидаризации для решения общих проблем и, как следующий этап, участию в местном самоуправлении, политической жизни, макро групповой интеграции.

В тоже время, практики добрососедства нельзя назвать развитыми, в частности, в Белгородской области, о чем свидетельствуют, например, данные социологического опроса, проведенного под руководством доц. Е.В. Реутова, «Функционирование социальных сетей в региональном сообществе» (2010 год, региональная выборка). Судя по ответам на закрытый вопрос «Если Вы оказались в трудной ситуации, на чью помощь Вы, в первую очередь, рассчитываете?» (можно было дать не более трех вариантов ответа), на помощь соседей полагаются 11,8% опрошенных. Для сравнения: на помощь родственников, членов семьи – 74,7%, друзей, знакомых – 51,2%, коллег по работе – 12,3%, государственных (муниципальных) органов, учреждений – 4,5%, общественных организаций – 1,5%, религиозной общины, землячества – 1,2%.

Более других рассчитывают на помощь соседей жители сельских поселений (15,1% из их числа против 10,1% и 11,2% – представителей городов с населением свыше и менее 100 тыс. человек/поселков городского типа соответственно), в возрасте от 60 лет и старше (24,3% из их числа против 6-10% респондентов в группах от 18 до 59 лет); со средним, незаконченным средним (19,7%) и средним специальным образованием (15,7%) против 6,2 и 10,7% респондентов с незаконченным высшим и высшим образованием соответственно. Наибольшая зависимость установки на обращение к помощи соседей регистрируется от уровня материального достатка. Чаще всего о такой ориентации говорят среднеобеспеченные респонденты (кому денег хватает на продукты и одежду, иногда – на покупку бытовой техники) – 29,2%; затем – малообеспеченные и бедные (денег хватает на продукты, иногда – на покупку одежды и приходится экономить абсолютно на всем) – 18,4% и 13,8% соответственно; минимально – наиболее обеспеченные, которые ни в чем себе не отказывают (6,89%), или не могут купить квартиру, машину, но в остальном нужды не испытывает (4,85). Гендерная разница незначительна: рассчитывают на помощь соседей 10,0% мужчин и 13,5% женщин.

Следует отметить, что готовность обратиться за помощью – это всего лишь установка, потенция, которая может и не слишком коррелировать с реальной ситуацией. Однако она отражает подход к данному типу социальных отношений, экспектации относительно этого типа социальных сетей.

Что же касается жизненной практики, то пользуются помощью соседей 57,1%, прибегают к ней несколько раз в течение года 28,9%, раз в месяц -12,7%, о еженедельном обращении за помощью к соседям и чаще сообщили 4,3 и 3% опрошенных соответственно. Еще более часто респонденты указывают на то, что сами оказывают такую помощь (65%). В целом эти данные сопоставимы с

результатами исследования других авторов. По данным опроса общественного мнения, проведенного И.В. Мерсияновой, 67% граждан за последние несколько лет ни разу не приходилось для решения общих проблем обращаться к соседям. А из менее трети опрошенных, сообщивших о наличии практики таких совместных действий, у половины – опыт был неудачным. При этом, сравнивая ответы, характеризующие иерархии проблем, которые, по мнению опрошенных, есть у соседей и у них самих, автор приходит к выводу об их общности, что предполагает, как минимум, если не наличие основы для совместного решения проблем, то хотя бы для совместной коммуникации [2, 160].

Конечно, обращение за помощью – не единственный фактор, обуславливающий взаимодействие между соседями, но, тем не менее, эти данные показывают наличие объективной необходимости в добрососедстве. Одновременно, низкая установка на обращение за помощью к соседям заставляет предполагать нежелательность этого взаимодействия, стремление и его избежать по мере возможностей.

Региональное исследование, проведенное под руководством автора в 2012-2013 гг., подтвердило этот вывод. Об искренних, доброжелательных отношениях с соседями сообщили 38,5% опрошенных (для сравнения: с родственниками – 84,8%, друзьями – 70,0%, коллегами по работе, бизнесу – 40,5, с единомышленниками – 42,1%). Ощущение востребованности, нужности в отношениях с соседями – в числе самых низких. Индекс востребованности в соседских отношениях составил 40,4, с родственниками – 87,7, друзьями – 75,4, коллегами по работе, бизнесу – 57,5, единомышленниками по хобби, интересам, целям – 48,5, членами религиозных (этнических) организаций, общин – 16,0. Респонденты дали одну из самых низких оценок подконтрольности, управляемости для них ситуации в этом типе отношений, индикатором чего послужил вопрос о том, в какой мере зависят от них хорошие отношения с соседями (индекс управляемости в соседских социальных сетях равен 47,2, в кровнородственных – 79,2, дружеских – 67,5, с коллегами – 56,1, с единомышленниками – 44,9, с членами религиозных общин – 30,5); уровня доверия (индекс доверия соседям – 45,1; родственникам – 88,2, друзьям – 77,1, коллегам по работе – 51,9, единомышленникам – 46,1, членам религиозных организаций, общин – 37,2). Инициаторами отношений с соседями считают себя только 14,7% опрошенных, 12,1% назвали инициаторами соседей, а 61,1% (!) сообщили, что они с ними не общаются. О том, что хотели бы наладить, активизировать отношения с соседями, сообщили лишь 7,2%.

Более всего, по мнению респондентов, развитию отношений добрососедства мешает отсутствие свободного времени (49,7%), безынициативность людей (44,6%). Значимыми являются также следующие причины: неуверенность людей в том, что их «правильно поймут», негативные личностные характеристики соседей (так ответили по 23,4% опрошенных). Групповое обсуждение барьеров добрососедства также показало, что возможность расширения сети своих отношений за счет соседей в большинстве случаев имеет в глазах опрошенных негативную или индифферентную окраску.

Если же звучит позитив, то в основном не в отношении «обобщенного» образа соседей, а применительно к конкретным людям.

«Хотели бы вы расширить свой круг общения за счет соседей?... Почему?... Что этому препятствует?– *Соседи – есть соседи... Нет причин общаться, нет потребности*»; «...Рядом бабушка и дедушка – божьи одуванчики – слушать про подагру тоже не интересно. Так, на уровне – *здравствуйте, здравствуйте, как дела, сегодня воду отключили ... и можно разойтись, потому как таковых интересов нет...*»; «Принципиально нет причин общаться с соседями»; «Соседи мешают, соседи раздражают...»; «Разные мы люди...»; «А я бы хотела. Но когда мой сосед каждый день бьет свою жену, ребенок орет – я не хочу с ним вообще общаться; мне он абсолютно не интересен ни как человек, ни как личность. Я его и видеть не хочу. Второй сосед снизу – я тоже не хочу с ним общаться. Я на улице нашла телефон его ребенка, позвонила ему, говорю – *возьмите телефон, так они пришли с таким видом, будто я вытащила телефон из его кармана. Я не хочу общаться с этими людьми*».

Естественно, к соседскому коллективу нельзя подходить с теми же мерками, по которым строятся отношения с друзьями и близкими людьми. Тем не менее, в высказываниях часто звучит упоминание о дружбе как обязательном условии развития отношений добрососедства: «А мне кажется, если человек интересен, можно подружиться и с соседом. Моя соседка с верхнего этажа залила меня, прибежала, извинялась. С тех пор мы хорошие подруги на протяжении многих лет».

Напротив, невозможность включения в соседские сети обосновывается объективными различиями, препятствующими дружбе: «Мне кажется, что одинаковый бы возраст – плюс, минус 5 лет, тогда бы складывалось все по другому... а так получаются разные сословия людей»; «Нет, не хотел бы. С тем, с кем я общаюсь, уже общаюсь, с остальным не хочется». – Почему? – «Определенный менталитет, определенные возрастные рамки есть. Есть несколько семей, с которыми мы хорошо общаемся, мы сошлись по принципу примерно одного возраста, все остальные – бабушки пенсионерки, с которыми нет общих интересов и нет смысла расширять за счет их круг общения».

Таким образом, можно утверждать, что в общественных установках отсутствует понимание принципиально иной сущности отношений добрососедства, нежели дружбы, в связи с чем перенос опыта формирования дружеских сетей на соседские, по-видимому, является ограничителем развития этих практик.

Так, в одном из высказываний подчеркивается возможность решения возникающих проблем с соседями только при условии дружбы с ними, которая, в свою очередь, зависит от общности интересов: «...Если друг – он поймет, что тебя залил, и деньги тебе отдаст. Но все зависит от интересов. Разные интересы. У меня соседей живет – целая общага моего возраста. У меня сосед по комнате бухает каждый день, я прихожу – он пьяный постоянно. Я не могу с ним общаться, мне неинтересно. Я не собираюсь так время проводить. Есть сосед через 4 комнаты – мы с ним дружим, собрались, куда-то пошли, поехали. Но с этим-то я не буду дружить, с алкашом. Все зависит от интересов, полная общага людей, все знакомые, а друзей нет».

На наш взгляд, специфика отношений добрососедства заключается в первую очередь в осознании общности территории, необходимости совместного решения проблем и формирования, поддержания отношений, обеспечивающих комфортное проживание. С точки зрения построения новых отношений, локализация на одной территории является, скорее, разъединяющим фактором, нежели объединяющим, ориентирующим на взаимодействие. *«Каковы причины Вашего нежелания расширять свой круг общения за счет соседей?» – Неприятные моменты, связанные с соседями: затопили, хулиганят, шумят, кричат»; «Соседство накладывает специфические обязательства, например, если мы дружим с нашими соседями, если вдруг они нас зальют, мы уже не пойдем с разборкой, как то уже неудобно...»* (1, с. 195-198).

Таким образом, результаты исследований показывают, что тема построения отношений добрососедства не актуальна для большинства населения. Хотя и в небольшой степени, такая ориентация существует среди пожилой его части. Развитие сетей добрососедства видится для большинства населения возможным лишь при наличии межличностной аттракции. Знаменателем проблем развития соседских сетей общения следует обозначить отсутствие культуры добрососедства, основанной на осознании необходимости этих отношений не столько с целью удовлетворения аффилиативных потребностей, сколько для совместного решения общих задач, вызванных единством пространственной локализации, обеспечения в ее рамках эффективной и комфортной жизнедеятельности.

Складывается впечатление, что если институт добрососедства и получит дальнейшее самостоятельное развитие, то процесс этот будет очень длительным. И еще менее оптимистичными выглядят перспективы перерастания практик добрососедства в практики самоорганизации по решению общих проблем. Тем не менее, в силу высокой важности этого института, видится необходимым стимулирование данного процесса в идеале – через поддержку общественных инициатив и обеспечения «безбарьерной» и богатой возможностями среды для их реализации. Но поскольку низовые инициативы в настоящее время минимальны, то названная задача, как это бывает обычно в России, должна решаться «сверху» – путем не только создания соответствующих условий, а и обучения общественных лидеров, специальной работы в СМИ, в образовательных учреждениях.

Литература

1. Колпина Л.В., Вангородская С.А., Реутов Е.В. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект. – Белгород: «ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 283 с.
2. Мерсиянова, И.В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия [Текст] / И.В. Мерсиянова // Вопросы государственного и муниципального управления. –2010. – № 3. – С. 149-168.
3. Полищук Л., Меняшев Р. Миф о социальном капитале // URL: <http://www.forbes.ru/-column/54307-mif-o-sotsialnom-kapitale-rossii> (дата обращения 27.08.2014)